

Глава 15. Галилей, Архимед и Лэгэнтэй Нохсоров.

На большой перемене учащиеся столпились у доски объявлений.

«Внимание! Внимание!

Сегодня после шестого урока в физическом кабинете встреча. Старейший колхозник Л.М. Бахсытов будет беседовать с теми, кто его захочет послушать.

Приходите, не пожалее!»

— Что за Л.М.Бахсытов?

— Сказано — «старейший колхозник»...

— Ребята, да это же Лука-пастух с фермы!

— Ха-ха, вот номер. Оказывается, и Лука теперь проводит встречи...

— Мы с ним раз двадцать за день встречаемся!

— Расскажет нам старик, как коровам хвосты крутить...

— Ой, смеху!

На другой день, припадая на левую ногу, Лука Максимович браво шагал по школьному коридору. Был он маленьким, сивеньким старичком в меховом жилете, со спины совершенный подросток. И только жидкая, прядями свисавшая борода на дублёном лице выдавала его возраст.

Он вздрогнул, когда, загрохотав крышками парт, поднялся в приветствии класс. Но растерянности не выказал, степенно, в пояс поклонился в одну, в другую сторону. И взял быка за рога.

— Ты чего это мне так хлопаешь? — выставив бородёнку, спросил у парня на первой парте.

— Приветствую вас, Лука Максимович, — это был Юрча Монастырёв. — Рад встрече. Вас, Лука Максимович, приветствую. Старейший вы колхозник, Лука Максимович.

— А-а, за старость, значит. За чёртову эту бороду!

Он ухватил свою бородёнку в кулак, дёрнул вниз, словно силясь вырвать. Аудитория отозвалась смехом. Встреча с самого начала приобретала опасно развлекательный характер.

— За старость хлопать? Стареть и дурак может...

Гость достал из кармана кисет и трубку, но, спохватившись, сунул назад в карман.

— Курите, курите, Лука Максимович, — разрешил ему Аласов.

— Это ещё почему? — обернулся старик. — Порядок никому нарушать не позволено! — И ещё раз, с особым тщанием, примял кисет в кармане. — Так что же вы молчите, друзья любезные? Если встретились, разговаривать полагается. Корова корову встретит, и та что-нибудь промычит...

Класс засмеялся.

Неискушённый в подобных делах пастух явно начинал не с того. Заложив руки за спину и повернувшись спиной к слушателям, он с интересом рассматривал портреты на стене.

— Это кто? — спросил он, ткнув пальцем.

— Архимед.

— Кто такой?

— Математик. Великий древнегреческий...

— Так-так, — пощёлкал старик языком. — А тот, в белом ошейнике?

— Галилео Галилей... Великий итальянский...

Пастух согласился и с великим итальянским:

— Молодцы, молодцы! Такие грамотные. Не то что я. Раньше кто четыре года в класс ходил — тот в деревне всё равно что этот Кулилей с ошейником...

— Галилей!! — поправили его.

— Как же, великий итальянский. Я запомнил. И греческого Кулилея. А Лэгэнтэя Нохсорова кто-нибудь знает? — вдруг крикнул он тоненьким голоском.

Ребята приумолкли.

— Лэгэнтэй Уйбанабыс Нохсоров был первым председателем колхоза в Арылахе. И вы должны его знать. Раньше, чем Кулилея! — рассердился старик, обращаясь почему-то к Саргылане, — видимо, принял её за ученицу. Та вспыхнула до ушей, пробормотала что-то вроде «не проходили мы этого»...

— Должны проходить! Кулилея они знают, а Лэгэнтэя Нохсорова не знают! — Прищурившись, с лисьей подозрительностью он втянул воздух в себя. — А от матери и отца вы ещё не отказались?

Класс возмущённо загудел. Но на гостя это не произвело впечатления. Присев на краешек стула, сгорбившись, он стал бормотать, будто себе самому:

— А и такое бывает... Приехала старая Ёкюлина на Новый год к сыну в город, являются гости, а ему, образованному человеку, стыдно сказать: «Это мама моя». Он на неё указал и говорит: «Тут одна знакомая старушка из сельской местности приехала». Бедняжка на утро собралась да обратно домой. Э, да что с вами! Пойду я лучше, учитель!

— Лука Максимович! — кинулся за ним Аласов.

— Дедушка Лука, не уходите! Лука Максимович! — зашумели ребята, улыбочки и смешки пропали.

— Лука Максимович, вы о Лэгэнтэе Нохсорове начали рассказывать, — напомнил Аласов.

— Расскажите, дедушка Лука! Мы будем тихо сидеть!

— Да что ж о нём расскажешь... — сменил гнев на милость Бахсытов. Вернувшись, он удобно присел на стул, маленький, щупленький, ноги едва достают до пола. — Соколом он был среди людей! Отцом родным был каждому.

Колхоз этот от него пошёл, а мы все от колхоза. Как не знать такого человека! Кулилея они знают... Хоть и умер Лэгэнтэй в молодых годах, но прожил жизнь — на десятерых бы хватило. Меня он два раза от смерти спас.

— Расскажите!

— Вот это интересно.

— Тише вы там!

— Хе-хе, ещё как спас! — личико старика залучилось морщинами. — Первый раз ещё совсем малышами были. Росли мы с Лэгэнтэем в одном сайылыке, старше меня он был на два года. У нашего сайылыка, как полагается, свой бык. Очень славная скотина! Рыжий, силища — у-у... Кличка ему была Кытарбайы, и сейчас помню... А в соседнем сайылыке — чёрный бык славился Суордай. Тогда у детей самая любимая забава была быков стравливать. Однажды договариваемся: будет драка! Раздразнили, разъярили мы своего Кытарбайы, ох и здорово! Пена у него на губах, землю роет. А соседские ребята, вот они, своего Суордая гонят, тоже шум подняли страшный. А уж как заставить двух быков подраться, не мне вас учить...

Боевым задором загорелись глазки старика Луки, он вскочил со стула, разводя руками, стал показывать, откуда один бык, откуда другой. Но было это, однако, так далеко от той беседы, которую Аласов обещал школьному начальству, что Сергей Эргисович даже за щеку схватился, словно от зубной боли. Остановить старика нечего было и думать. Директор Кубаров посмотрел на Аласова с укором: «Зря ты не подписал обращения, когда тебе советовали! Видишь, до чего довело твоё упрямство...»

— Бросается чёрный бык на нашего рыжего, — продолжал Лука Максимович. — Ревут быки! Какой пепел от дымокуров был в аласе, весь копытами взбили. Глотки хрипят, рога стучат... А мы, понятное дело, кто как умеет — кричим, визжим, свистим, подзадориваем. Такой бой пошёл! Котёл варева мог вскипеть, а они всё бьются, ни тот, ни другой не уступает. Уже наша берёт, рыжий Кытарбайы наступает, мы орём: «Ну, ещё немножко! Ну нажми!» А в это время тот чёрный дьявол делает в сторону, вот так... выгибает голову нашего Кытарбайы набок, заставляет пятиться назад... А сзади ямина, Кытарбайы в неё ногами... Ох, несчастье! Тут Суордай его, конечно, и пропорол. Завалил набок, несколько раз поддел рогами, пошёл с гордым видом — ревёт, хвостом себя хлещет. Победитель! А бедняжка наш хватает воздух, из боков и шеи кровь течёт. Ах, как жалко мне его стало! Мальчишка я был, лет семи. Захотелось утешить Кытарбайы, погладить его лоб.

Подошёл я к быку, протягиваю ручонку. А бычище как посмотрел на меня кровавым глазом да как вскочит на ноги, рога выставил — на меня! Я с воем прочь, а бык за мной, хрипит сзади. Ребята, как воробьи, кто куда, на городьбе

спасаются, в траве на животах ползают... Штаны на мне были такие, из телячьей кожи... Тя-яжёлые, бегу — чувствую, спадают... Ну всё, ещё чуток, и быть мне у быка на рогах, подбросит, пойдёт играть как мячиком... О-о, какое несчастье! Вот и погибаю...

Всё так и было бы, да Лэгэнтэй нашёлся, пусть земля ему будет пухом... Выдрал кол из городьбы, сбоку — к быку. Да что есть сил ка-ак огреет по башке! Бык от неожиданности остановился, а мне того и нужно было — душу спасти. Я ужом под изгородь, не верю в своё счастье. Тут взрослые набежали, отбили Лэгэнтэя у быка... Такой вот он был, Лэгэнтэй! — Лука Максимович с восхищением покрутил головой.

Класс зашумел. Переволновавшись вместе с рассказчиком, ребята вздохнули полной грудью, будто сами спаслись.

— А второй раз? — вспомнил кто-то.

— Дед Лука, давай про второй раз.

— Что-нибудь тоже интересное...

Старик, громко засопев, исподлобья глянул:

— Я вам не для интереса рассказываю, а то, что по правде было! Может, кому и не нравится...

— Нравится! Нравится!

— То-то же, — старик победно задрал бородёнку. — Тогда слушайте и молчок. Да... А другой случай был уже на самом исходе его жизни. Много воды утекло... Стал наш Лэгэнтэй настоящим народным богатырём. Ух, какая сила была в нём! И ума сколько... Когда Кымова нашего бандиты застрелили, Лэгэнтэй после него Совет принял. Потом учиться его в Якутск взяли. Вернулся из города — запустил в богачей ураган с пургой! Как раз большие перемены пошли по земле якутов. Байские наделы отобрали, из бедняков колхоз организовали, появились у нас и дома свои, и поля, и стадо коров небывалое...

А я при этом стаде, можете поверить, самым главным был. Так и звали: Лухачаан — коровий тойон. До скота я охоч. И сообразительный!.. То лето очень засушливое было, трава не уродила. Я предлагаю: половину стада, яловых да нетелей, угоним на Хоптолоох-остров на Лене-реке... Вы же знаете его. Там всё лето мы и траву косили, и стадо пасли. И зиму там перезимовали, корма вдоволь было.

Весна, значит... Вот-вот река вскрыется. Должны были помощников мне подослать, чтобы скот назад гнать. А их всё нет да нет. День за днём проходит, река совсем потемнела. А в один вечер слышу: затрещал лёд, поднялся. Моё счастье, снега в тот год мало было. Рассчитывал я так: паводок спокойный будет, не стану скот с места трогать, а уж если что, погоню на высокий край острова. Я так себе думаю, а река возьми да вздурись! Навалилась вода потопом. Вот как я

сам себя наказал! Чуть свет взваливаю пожитки на горб, погнал скот на другой конец острова. Кто был на Хоптолоох-острове, так знает — там посредине низинка. Вот её уже водой залило... Коровки мои — трёхтравные нетели — что за проказницы... Эти никогда не могут степенно идти куда их гонишь, задерут хвосты да норовят пастуху побольше хлопот наделать...

Дошло моё стадо до воды в низинке — и ни в какую! Я их в одну сторону, они заворачивают в другую, я их оттуда, а они в обратную. Вот началось для меня мученье! Зло и обида! Хоть садись и волосы на себе рви: вода сзади прибывает, движется по нашему следу, заливает остров... Что делать, кому молиться?

И вот поднимаю голову, вижу — уж не снится ли... Люди там, на берегу. Бегают у воды, руками машут, что-то мне кричат... Понял: помощь мне пришла. Да только как они могут теперь помочь? Река между нами вот-вот закипит. Лёд битый, льдина на льдину лезет... Нет, не помогут!

Но что это такое — мелькает чёрное по белому. Не ворона бродит по льдине, не волка занесло... Ближе, ближе, а это — человек! Кричит мне, по плавучим льдинам сигает, за торосами исчезает, кажется, — ну, пропал смельчак...

Понял я: один во всём колхозе мог быть этим сумасшедшим — председатель наш. Мой друг любимый и брат Лэгэнтэй Нохсоров... Уже до острова ему совсем немного осталось, но тут, о несчастье, чистая вода, промоина бурлит! Он не долго думал — бух в воду, как был в шубе, поплыл... Я ему шест тяну. Ухватился. Ещё на берег не вылез, ещё за кусты хватается, а сам уже зычным своим голосом ревёт, рассердившись на меня: «Что стоишь и смотришь, где скот твой, сейчас вода понесёт его...» Я костёр хочу, чтобы его обсушить, а он: «Какой ещё костёр, бежим коров спасать! Если хоть одна погибнет, будем судить тебя как классового врага!»

Кинулись мы на коровёнок, жердями их беспощадно колотим, гоним через воду. Иных быстро обратали, с другими помучились — какую приходилось за рога Лэгэнтэю вести, а мне сзади погонять. Нахлюпались в ледяной воде за всю свою жизнь.

И вовремя! Всё, что было земли по ту сторону низинки, прямо на глазах ушло под воду. Глядь, а там уже сплошное море... Ну маленько опоздай мой Лэгэнтэй, и очутился бы я со своим стадом подо льдом, уплыл бы в Ледовитый океан... Никогда бы вы не услышали моего правдивого рассказа...

Когда же согнали скот в безопасное место, развели наконец костёр. Обсушились, поели. Были у меня две коровы дойные, я Лэгэнтэя кипячёным молочком отпаиваю, то-сё... Неужели не спасу?

Напрасно всё! Не одолел он. Воспаление лёгких, думаю, было у него. Среди ночи сознание потерял, потом бредить начал... На рассвете пришёл в себя, говорит мне, голову пробует поднять: «Луха, а Луха... что же это со мной? Как бокам больно! Задыхаюсь совсем, не дают бока дышать!»

Я над собой власть потерял, слёзы у меня текут, кричу я: «Что же ты наделал, Лэгэнтэй! И зачем ты сунулся, ты ведь умирать сюда приплыл! Зачем тебе было в воду лезть! Уж лучше бы я со своим стадом подо льдом пропал, моя глупость — мне и тонуть. Что ты наделал, Лэгэнтэй!»

Долго лежал Лэгэнтэй с закрытыми глазами, совсем силы его покинули. Потом всё-таки открыл, через силу говорит. Кашель его бьёт, лицо синее, а он всё досказать спешит. Что сказал — на всю жизнь мне запало, слово к слову...

Сказал мне: «Что ты, Лухачаан, здесь молол по-пустому? Как же мне было не плыть, когда вижу — колхозное стадо гибнет. И ты, друг мне с детства, гибнешь... Радоваться надо — всех, до последнего телёнка, спасли... Размножится стадо, через десять лет колхоз уже сотней коров будет владеть. Сколько благодати от них людям! Такая жизнь хорошая идёт нам навстречу, Лухачаан! За неё и умирать не страшно. Ты это запомни, Луха: нам и умирать не страшно. Сколько бед мы знали... Помнишь, земперedel проводили, кулаки вредили... А как стога хлебные у нас пожгли! И всё-таки мы колхоз поставили на ноги. Ведь мы ничего за это себе не имели — всё для людей, каждое зёрнышко, всё для них... Потому мы и будем всегда жить в этом среднем мире...»

Лука достал кисет и спички, раскурил трубку, пыхнул дымом.

— Лэгэнтэй в земле давно, а я всё живу, вот какая история! Совсем старик Луха зажился... Не знал, что до такого чёрного дня доживу. Приду в школу к молодым, а они скажут: Лэгэнтэй Нохсоров? Кто такой? Не знаем такого. Кулилея знаем, а Лэгэнтэя Нохсорова не знаем... Да где же они были все эти годы, что Лэгэнтэя Нохсорова не знают? Он колхоз кровавыми мозолями для них построил, а они говорят: зачем нам в колхозе навоз таскать, мы лучше в город уедем, а колхоз пусть старый Луха тянет...

Он придавил огонь в трубке большим пальцем. С изломанным ногтем, был он чёрный, уже и на палец не похож, какой-то сучок корявый. Погашенную трубку старик сунул в карман.

— А кто из вас могилу Лэгэнтэя знает? Никто не знает... Раньше ещё вот эти, — кивнул он на Аласова, — когда были пионерами, — смотришь, подновят могилку, красной краской звезду покрасят. А сейчас уже никому нет дела до тебя, Лэгэнтэй. Совсем никому!

Старик вдруг вскочил со стула, огляделся вокруг, видимо ища свою шубейку и шапку, оставленные в учительской, и повернулся к Аласову:

— Уважаемый учитель Сэргэй... Не обессудь, не будет никакой тебе беседы. Сердце у меня уже плохое. Я за Лэгэнтэя вот как обижен... Прощай, учитель!

Не поднимая головы и что-то бормоча себе под нос, старик пошёл к двери, хромя больше обычного. Тщедушный, с острыми торчащими лопатками, он был похож на подростка.

В классе стояла мёртвая тишина.